

НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ В ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1875–1878 годов

Исследователи не раз отмечали заметную роль цесаревича великого князя Александра Александровича в событиях Восточного кризиса середины 1870-х гг. (наряду с императрицей Марией Александровной, вел. кн. Константином Николаевичем, Н.П. Игнатьевым и Д.А. Милютиным, его обычно причисляют к сторонникам военного решения возникшего конфликта) и большое влияние русско-турецкой войны на мировоззрение, политический и жизненный опыт будущего императора Александра III¹. Однако взгляды и деятельность наследника престола в 1875–1878 гг. до сих пор не становились предметом специального анализа. Между тем в научно-популярных работах настроения цесаревича нередко неоправданно резко противопоставляются курсу правительства Александра II, а вел. кн. Александр Александрович предстает чуть ли не одним из самых прозорливых и мудрых политиков своего времени². Но для того, чтобы понять, как в действительности воспринимались им обстоятельства Восточного кризиса и русско-турецкой войны, необходимо рассмотреть обширный круг документов (прежде всего дневник и переписку цесаревича), значительная часть которых пока еще практически не изучалась и не освещена в историографии.

Восточный кризис середины 1870-х гг., как известно, начался с восстания в Боснии и Герцеговине в июле 1875 г. Александр II, опасаясь его обострения, старался согласовать свои действия с союзниками³. 23 сентября (5 октября) 1875 г. он писал цесаревичу, что «в настоящем кризисе согласие с Австриею и Германиею более необходимо, чем когда-либо»⁴. Вел. кн. Александр Александрович тогда еще не проявлял особого интереса к разгоравшейся на Балканах борьбе и развернувшейся вокруг нее дипломатической переписке. Тем не менее уже 30 июня 1875 г. известный публицист отставной генерал-майор Р.А. Фадеев подал ему записку, доказывая, что «столкновение между правительством и христианским населением Османской империи должно произойти в самом близком будущем» и «Россия, даже против своей воли, неизбежно окажется втянутой в эти события», поскольку «не поддержать “турецких” христиан означало бы для России нравственное поражение». При этом Фадеев напоминал о своем авантюрном проекте, одобренном русским послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым, согласно которому следовало ослабить Турцию, поддерживая сепаратистские устремления египетского хедива⁵. В декабре 1875 г. через К.П. Победоносцева наследник престола получил от Петербургского славянского комитета серию статей русских и заграничных «знатоков славянского дела» и «прекрасно составленную» карту расселения южнославянских народов, за что выразил благодарность⁶.

В течение 1876 г. деятели набиравшего силу «славянского движения» поддерживали отношения с вел. кн. Александром Александровичем через таких близких к нему людей, как Победоносцев, граф И.И. Воронцов-Дашков и гофмаршал двора цесаревича В.В. Зиновьев. Вероятно, это стало одной из причин того, что досужие языки прочно связывали имя наследника престола с «партией действия», оппозиционно настроенной по отношению к правительству и добывающей объявления войны Турции. Однако, как уже отмечалось исследователями, «трудно сказать, где проходила грань между действительным участием наследника в “славянском движении” и слухами и мистификациями, распространявшимися руководителями этого движения в своих интересах»⁷. Тем самым в какой-то мере повторялась ситуация конца 1860-х – начала 1870-х гг.

* Астанков Василий Александрович, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

(особенно времени франко-прусской войны 1870–1871 гг.), когда вел. кн. Александра Александровича точно так же без особых на то оснований считали если не главой, то, по крайней мере, сторонником «национальной партии»⁸. Не случайно Победоносцев, при всем сочувствии к «славянскому делу», летом 1876 г. призывал цесаревича к осмотрительности с людьми, «которые могли бы понести и раздуть Ваше слово», советовал опасаться принимать у себя «ревнителей» и помнить, что «в теперешнем положении Вашем то будет золотое слово, которое останется невысказанным»⁹.

Александр II также напоминал сыну об осторожности и опасности увлечения «славянским делом». «Признаюсь, я ничего путного не ожидаю, а предвижу кровавую развязку. Дай Бог только, чтобы она не вовлекла нас в войну, – писал он цесаревичу из Эмса 25 мая (6 июня) 1876 г. о балканских повстанцах, – которую, разумеется, не мы начнем в пользу славян, ибо русские интересы для меня дороже славянских, что ты от меня неоднократно слышал, и я вполне уверен, что и ты разделяешь мой взгляд, несмотря на возгласы части нашей прессы и публики». Император уповал еще на то, что «мы находимся в полном согласии с Германиею, Австриею, Франциею и Италиею» и «одна только Англия старается делать нам неприятности на каждом шагу и хочет выставить себя единственною покровительницею распадающейся Турции»¹⁰. Со своей стороны, наследник престола сожалел, что политические осложнения мешают отцу отдыхать и лечиться, возмущался «политикой эгоизма» Великобритании и вопрошал в конце июня: «Что-то будет теперь? Очень интересный и знаменательный момент истории!»¹¹.

Только в начале сентября, в разгар «славянской» агитации, будучи в Царском Селе, вел. кн. Александр Александрович впервые более или менее определенно высказался в дневнике о сложившемся в стране положении: «Вся Россия говорит о войне и желает ее, и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае она будет одна из самых популярных войн, и вся Россия ей сочувствует»¹². 21 сентября император телеграммой вызвал цесаревича в Крым. «Он желал меня иметь здесь, потому что обстоятельства слишком важны, и он хотел, чтобы я знал все подробнее и был бы здесь, пока все не разъяснится или решится», – записал великий князь в дневнике по приезду в Ливадию¹³. Военный министр Д.А. Милютин объяснял даже вызов наследника «странным предчувствием» Александра II, что он, подобно своему отцу, не переживет войны, начало которой становилось все более неизбежным¹⁴.

В день прибытия в Ливадию, 25 сентября, вел. кн. Александр Александрович уже принимал участие в совещании «с Горчаковым, Милутиным, Игнатьевым и гр. А.В. Адлербергом». «На этом заседании, – отметил он в дневнике, – папá высказал его мнение и решение, а именно, что если мы не добьемся политическими переговорами до положительного результата, то он другого исхода не видит, как объявить войну Турции. Вот первое впечатление, которое я вынес из заседания»¹⁵. Как раз накануне в Ливадию вернулся гр. Ф.Н. Сумароков-Эльстон, который привез ответ императора Франца Иосифа на запрос Александра II об австрийских намерениях на Балканах и возможности совместных действий в Боснии и Болгарии. «Миссия Сумарокова-Эльстона, – сообщал цесаревич жене, – вновь доказала нам, что мы ни на кого не можем рассчитывать и что мы должны действовать одни. Папá предложил австрийскому императору теперь же занять своими войсками Боснию и Герцеговину, а нашими – Болгарию, чтобы защитить эти провинции от турок и попытаться прекратить войну. Австрия под любым предлогом на это не соглашается, но, по крайней мере, сообщает, что, если мы объявим войну Турции, она не будет нам мешать, но, со своей стороны, оккупирует Боснию и Герцеговину и удержит часть этих провинций насовсем. Папá доволен этим письмом императора Франца Иосифа – по крайней мере оно искренне и показывает нам, чего хотят австрийцы. Англичане ежеминутно меняют свою позицию, так что на них больше нельзя рассчитывать»¹⁶. В разговоре с Милутиным император тогда же заметил, что «уже потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость изолированного действия»¹⁷.

С нескрываемым негодованием цесаревич характеризовал английскую политику. По его мнению, Великобритания совершенно забыла о долге «христианской державы». Когда в начале октября были получены известия, что в случае, если Россия порвет дипломатические отношения с Турцией и предпримет враждебные ей действия, Англия займет своими войсками и флотом район Босфора, вел. кн. Александр Александрович писал дяде вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Это, конечно, мы предвидели, но надеялись, что после всего того, что происходило в Англии в это последнее время, и того негодования нации против правительства, оно не посмеет идти заодно с турками, но как видно Англия не имеет срама и не признает себя христианской страной, а хуже самих мусульман! Это делает ей честь, и только история со временем оценит всю заслугу христианству, принесенную этой милой нацией»¹⁸.

С первых же дней пребывания в Крыму вел. кн. Александр Александрович действительно проявил себя сторонником решительных действий и резко критиковал престарелого кн. А.М. Горчакова, якобы только оттягивавшего неизбежную войну. Сложно сказать, насколько наследник престола понимал замыслы канцлера и в какой степени в тот или иной момент его настроение соотносилось со взглядами отца, однако, судя по всему, немалое влияние на него оказывало регулярное общение с Н.П. Игнатьевым. Последний на протяжении всего Восточного кризиса отстаивал независимость политики России от «европейского концерта» (особенно от Австро-Венгрии), требовал «ясной и положительной» программы, напоминал, что «пока ведутся беспредметные дискуссии, льется кровь, теряется время»¹⁹. «Мы все ждем, ждем и ждем, а чего ждем – конечно войны!.. Вот что значит нерешительная дипломатия полуразмягченного канцлера!!!», – сетовал наследник в письме к брату, вел. кн. Владимиру Александровичу²⁰. «Игнатьев не знает уже, что и делать, – делился тогда же цесаревич с женой, – и как с достоинством выпутаться из этого, он утверждает, что Горчаков полностью потерял голову, и даже Боткин ему сказал, будто он замечает у канцлера симптомы старческого маразма!». Игнатьев, полагал вел. кн. Александр Александрович, «очень хорошо понимает настоящий момент, которым если мы не воспользуемся, то дело будет испорчено на долгое время, если не навсегда. Чем раньше мы объявим войну, тем лучше для России и выгоднее»²¹. Позже наследник престола писал Победоносцеву: «К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что, наконец, пришли к какому-нибудь плану действий»²². Когда же в конце октября под давлением России Порты согласилась на двухмесячное перемирие с Сербией, цесаревич не скрывал от Победоносцева своей досады на то, что «опять предлог объявить войну не удался»: «Дипломатия так все запутала, что без положительного повода войны нельзя объявить Турции»²³.

Победоносцев в своих письмах к наследнику эмоционально описывал, «в каком возбуждении находится в эту минуту русское общество». «Многим уже представляется, – утверждал он, – что правительство погрузилось в какую-то апатию, в сознание внешней и внутренней своей слабости», и растет «недовольство и недоверие к власти, которая ни в чем явственно и определительно не высказывается». Ему представлялось, что «если все это кончится ничем или каким-нибудь смазанным миром к нашему стыду и к удовольствию *так называемых* союзников наших, все нынешнее возбуждение общества, выступающее теперь наружу, *войдет внутрь* и между правительством и народом может возникнуть такая глубокая рознь, какой у нас еще не бывало в истории (здесь и далее сделанные в подлиннике подчеркивания переданы курсивом. – В.А.)»²⁴. Соответственно и в письмах цесаревича из Ливадии появляются суждения, что несмотря на ненужные попытки решить дело миром, «все-таки кончится войною или страшной бурей внутренней!»²⁵.

Впрочем, настроения вел. кн. Александра Александровича в Ливадии определялись не только письмами Победоносцева. Конечно, Константин Петрович, хорошо зная взгляды и чувства своего бывшего ученика, умело на него воздействовал. Однако в Ливадии цесаревич бранил политику министров своего отца задолго до первых писем Победоносцева. Так, уже 30 сентября он писал цесаревне: «Просто тошно становится, когда подумаешь, до чего мы дошли, и что за мелкие и подленькие личности стоят у

нас во главе правительства, и ни одного человека нет в администрации, который был бы хоть чем-нибудь в роде государственного человека; ничего подобного, и это только и заметно в подобных нынешних трудных обстоятельствах, вся эта сволочь чиновники, заботящиеся о своем брюхе и больше ничего, а не министры Российской империи! Нет у папá ни одного человека порядочного, который говорил бы ему правду и был бы правда его помощником, и знал бы, и любил Россию, и был бы истинно русским человеком, служащий своему государю и отечеству из убеждений, а не как наемник! Я один ничего не могу сделать и ничего говорить не могу, потому что папá не поверит мне, а если был бы здесь теперь хоть фельдмаршал Бярятинский, много можно было бы переговорить с ним и с папá и вывести все на чистую воду; а теперь что, каждый врет чепуху и ничего полезного предложить не умеет!»²⁶.

Мысль о том, что император окружен министрами, не понимающими русских национальных интересов и не желающими о них думать, погрязшими в корыстных расчетах и создавшими к тому же стену непонимания и даже отчуждения между государем и наследником престола, который должен, может и хочет быть первым помощником самодержца, возникла у вел. кн. Александра Александровича далеко не спонтанно. Сходные мысли неоднократно высказывались им, начиная с конца 1860-х гг., когда отец стал приобщать его к государственным делам. Он негативно относился к так называемой шуваловской партии, в 1869 г. конфликтовал с Военным министерством и лично Милютиним из-за перевооружения армии новыми типами ружей, а в 1875 г. – по поводу строительства железнодорожных дорог в Закавказье²⁷. Неудивительно, что «мелким и подленьким личностям» в письмах цесаревича противопоставлялся кн. А.И. Бярятинский. Еще со времен «ружейного дела» фельдмаршал был для него признанным авторитетом. Кроме того, судя по дневнику наследника престола, в 1860-х гг. их связывали дружеские отношения. Осенью 1876 г. цесаревич рекомендовал отцу, размышлявшему о том, кого бы поставить во главе действующей армии на Балканах, обратиться за советом к Бярятинскому, который «настолько знает мир и так опытен в военных делах»²⁸. «Это была *честная, прямая и широкая русская натура!* – напишет цесаревич в дневнике в 1879 г., получив известие о смерти князя. – Дай Бог побольше таких людей!»²⁹.

Вел. кн. Владимир Александрович, остававшийся в Петербурге, но осведомленный о событиях в Ливадии (не располагая лишним временем для переписки, вел. кн. Александр Александрович, приехав в Крым, просил жену прочитывать брату «все, что может его интересовать»³⁰), во многом сочувствовал цесаревичу и в то же время старался смягчить категоричность его суждений. «Из писем к Минни я мог ясно понять, какие тяжелые минуты ты должен был переживать с первого дня твоего пребывания в Ливадии, – писал он 18 октября. – Нет сомнения, что годы долгого спокойствия, как внешнего, так и внутреннего, полезны для всякого государства; для России же в особенности, после нашего страшного крымского погрома. Но, с другой стороны, это же самое спокойствие имеет также и свои невыгоды: оно приучает людей, а нас, русских, в особенности, жить спустя рукава»³¹. В своих оценках вел. кн. Владимир Александрович был более рассудителен: «Ты обвиняешь людей высокопоставленных, что они не любят России и не знают, и с первым я не могу быть вполне согласным: я убежден, что они ее по-своему, да любят. Вернее, они ее не знают: с этим я вполне согласен». При этом каждый министр «тянет в свою сторону, общей солидарности никто из них не хочет признавать». «При таких условиях общей цели существовать, конечно, не может, – заключал великий князь. – Помнишь же, как папá неоднократно об этом горевал и даже высказывал открыто свои мысли по этому поводу самим министрам? Нечему удивиться, что в трудные минуты советников дельных нет»³².

Общая неприязнь цесаревича к министрам отца особенно резко проявилась в 1876 г. в его отношении к министру финансов М.Х. Рейтерну, который был вызван в Ливадию, чтобы указать, на какие средства можно рассчитывать в случае войны. 3 октября 1876 г. он подал императору записку, в которой с завидной академичностью, но не считаясь с реалиями международной ситуации, доказывал, что Россия не выдержит «европейскую войну». Война, полагал он, неминуемо приведет «не только к расстройству»,

но и «к погрому наших финансовых и экономических интересов», и Россия «будет подвергнута такому разорению, с которым никакие бедствия в ее прошедшем сравниться не могут». Александр II усмотрел в этом критику своего царствования и проведенных им реформ, заметив на следующий день Рейтерну во время совещания, что «средства есть, но надобно уметь и хотеть их достать»³³. До совещания записку читал только наследник престола, с возмущением писавший жене: «Привезли сюда на днях министра финансов, чтобы переговорить с ним о средствах для ведения войны. Представил он сегодня записку. Папá дал и мне ее прочесть и что же – ничего в ней нет, как то, что всякому ребенку известно, что война – весьма разорительная вещь и повлияет на нашу промышленность. Да Боже, кто же этого не знает, да не это у него спрашивали, а про средства, или как он полагает приступить к изысканиям средств, ни слова; и это называется русский министр финансов, понимающий интересы и достоинство России, да к черту этого поганого немца; слава Богу, найдется на матушке России из 80 000 000 жителей хоть один министр финансов настоящий! Просто ужас берет видеть и слушать все это, а вдобавок в этой поганой Ливадии, далеко от всего, никого не видишь из людей мыслящих и не с кем переговорить, посоветоваться. На бедного папá жаль смотреть, правда и мне кажется, что он теперь только начинает страшно разочаровываться во всех лицах, образующих его правительство; теперь только ясно будет ему все, и что за люди на местах министров, что за бездарность, пошлость и пустота его окружают. Это разочарование, я уверен, сильно подействует на него! А я, первый его помощник, я, нарочно вызванный сюда, сижу, слушаю, вижу и ничего один не могу сделать и что же я могу один против их всех, а не будь это в Ливадии, а в Петербурге, я уверен, многое можно было бы совершенно перевернуть к верх ногami и направить все дело на новую, свежую и здравомыслящую дорогу!?!?»³⁴. Помимо крайней несдержанности в оценках, здесь проявились и привычные антинемецкие взгляды вел. кн. Александра Александровича. В письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу о Рейтерне цесаревич выразился еще резче: «На него нечего и рассчитывать, просто колбасник немец; слава Богу, и без него найдутся средства на матушке России»³⁵.

В письмах из Ливадии цесаревич постоянно отмечал свое одиночество и бессилие, отсутствие единомышленников, с которыми можно было бы посоветоваться (за исключением Игнатьева, с которым обсуждались, однако, лишь вопросы внешней политики). «Более ненормального положения быть не может, как теперь, – писал он Победоносцеву, – все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избегнуть войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу»³⁶. Между тем военный министр 4 октября представил Александру II записку, подготовленную и привезенную в Ливадию Н.Н. Обручевым, которая предусматривала объявление Турции войны и начало боевых действий уже в конце осени 1876 г.³⁷ Но если наследник престола не видел вокруг себя людей, признающих неизбежность войны, то Рейтерн, напротив, нашел общую атмосферу в Ливадии «крайне воинственной». Впоследствии он вспоминал, что «государь оставался в Ливадии, окруженный небольшим числом лиц, тянувших все в одну сторону, без сообщения с другими своими советниками; он слышал один только голос и видел одну только сторону». В результате император, категорически исключавший вооруженное вмешательство в борьбу на Балканах, «не выдержал и вдруг бросился в сторону, противоположную той, которой держался прежде»³⁸. «За исключением Адлерберга, они там все сошли с ума», – сказал Рейтерн Н.К. Гирсу по возвращении из Ливадии в Петербург³⁹. Любопытно, что о министре двора гр. А.В. Адлерберге вел. кн. Александр Александрович также писал, как о чуть ли не единственном здравомыслящем человеке среди окружавших Александра II в Ливадии лиц, правда, совсем по другому поводу: через него и императрицу наследник престола пытался уговорить отца поскорее покинуть Крым, поскольку «очень неудобно и неприлично оставаться здесь в такие важные минуты далеко от Петербурга, на окраине и посреди мусульманского народонаселения»⁴⁰.

Единственный раз 23 октября написав Победоносцеву из Ливадии, цесаревич, извинялся за «нескладное письмо»: «Оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойств, неопределенности и постоянного напряженного состояния»⁴¹. Действительно, чрезвычайная эмоциональность отнюдь не способствовала адекватному пониманию происходивших событий, а также поступков и намерений политических деятелей, включая самого императора. К тому же из крымских писем 1876 г. довольно трудно понять, как именно понимал тогда наследник престола интересы России в предстоящей войне и какими виделись ему те «новые люди», которые могли бы достичь желаемого результата. Столь же пафосно и неопределенно звучит и его запись в дневнике о знаменитой речи Александра II, произнесенной 30 октября в Московском Кремле. Цесаревич писал, что слова отца «останутся историческими и будут напоминать эту интересную и важную эпоху русской истории, когда участь миллионов христиан должна решиться так или иначе»⁴².

Усилия дипломатов предотвратить войну в начале 1877 г. не вызывали у цесаревича особого сочувствия. «Невыносимо тяжело наше неопределенное состояние, — писал он вел. кн. Михаилу Николаевичу 8 января 1877 г., — все ждем, чем кончится конференция в Константинополе, а решат ли так или иначе, не знаешь, что делать потом, на что решиться. Европа, по всему судя, вовсе не намерена действовать решительно против турок, даже несмотря на ряд целый пощечин, которые она получила от Порты в течение прошлого года! Смирение и унижение, заслуживающие полного презрения! Мило и поучительно для всего мира!»⁴³. «О политике тошно и говорить, — делился он с дядей своими чувствами в марте, — так противна эта подлая Европа; в 1 000 раз хуже турков, они, по крайней мере, магометане, а Европа что! хуже язычников! Теперь сделана последняя попытка соглашения с Европой по восточному вопросу, и Игнатьев послан с этим поручением в Берлин, Париж, Лондон и Вену, и теперь ждем последнее слово Европы, после чего, я думаю, нам придется действовать энергично, если хотим заставить себя уважать»⁴⁴.

Однако и весной 1877 г. наследник престола старался не разглашать своих симпатий к «партии действия». «Весьма глупая и печальная история с речью Аксакова в Москве; необдуманно и стгоряча все это сделано, — сетовал он 16 марта в письме к Победоносцеву по поводу конфискации Московским цензурным комитетом номеров «Московских ведомостей» и «Современных известий», в которых была опубликована речь, произнесенная И.С. Аксаковым 6 марта в Московском славянском комитете. — Пожалуйста, когда будете писать Анне Федоровне или самому Аксакову, то поблагодарите ее за присланную речь ее мужа и за записку. Боюсь отвечать сам, чтобы не вышло опять какой-нибудь неприятности... Что касается речи Аксакова, то многое в ней мне понравилось»⁴⁵. Между тем в своем выступлении Аксаков клеймил «упрямую кротость» и «назойливое миролюбие» русского правительства, что вызвало в правительственных кругах крайнее раздражение, если не озлобление⁴⁶. Нежелание цесаревича лично отвечать А.Ф. Аксаковой (урожденной Тютчевой), несомненно, было связано с воспоминанием о том, какой скандал вызвало в 1867 г. перлюстрированное письмо вел. кн. Александра Александровича к Аксаковой по поводу статей Ю.Ф. Самарина о национальном вопросе в Прибалтике⁴⁷.

Накануне объявления войны, не представляя еще, каким тяжелым испытанием она окажется, цесаревич восклицал: «Наконец пришел решительный час для России действовать! Да благословит Господь нас всех и дорогое наше Отечество! Что-то будет, увидим. Как-то и отраднее на душе, что наконец решилось, чем ждали, а вместе с тем и страшно за неизвестность в будущем»⁴⁸. В конце весны 1877 г. вел. кн. Александр Александрович не знал, в каком именно качестве отправится в действующую армию (Гвардейский корпус, которым он командовал, первоначально посылать на Балканы не предполагалось). «Папá меня берет с собой, — писал он 15 мая из Петербурга дяде вел. кн. Николаю Николаевичу, главнокомандующему на балканском театре боевых действий, — вот все, что я знаю про себя; о том, желает ли он, чтобы я остался на все время при тебе, или я останусь в армии только то время, пока папá будет при ней, до сих пор

я не знаю. Папá мне ничего не говорил об этом, и я остаюсь в совершенном неведении о моей судьбе. Сам я не желаю спрашивать у папá об этом, чтобы не навязываться... Весьма неприятно и тяжело это нерешенное мое положение»⁴⁹. Цесаревич предполагал, что пробудет на театре войны вместе с отцом до переправы русской армии через Дунай и вступления в Болгарию. 26 мая он писал жене из Плоешти: «Если, Бог даст, мы скоро вернемся, то, может быть, мне удастся и пожить с тобой и детьми в милом Гапсале, но теперь еще рано об этом думать. Что Бог даст?!»⁵⁰. Лишь в конце июня наследник престола вступил в командование Рушукским отрядом, состоявшим из двух армейских корпусов, одним из которых командовал его брат вел. кн. Владимир Александрович. Отряду было поручено сковать войска противника в четырехугольнике крепостей на востоке Болгарии для обеспечения действий главных сил русской армии на Балканах.

К этому времени уже проявилось непреклонное намерение Александра II сопровождать армию и «разделять с нашими славными войсками их труды, опасности и славу», не вмешиваясь в распоряжения главнокомандующего и не стесняя его свободу. При этом император не желал удалиться от театра военных действий, поскольку, как писал он вел. кн. Николаю Николаевичу 30 июня, «не с тем приехал в армию, чтобы следовать в ее тылу с обозами и парками»⁵¹. «По всему видно, что папá нарочно говорил всем в Петербурге, что он едет в армию, только чтобы присутствовать при переправе Дуная, и что останется 3 или 4 недели, только для того, чтобы отвязаться от всех скучных расспросов и успокоить, но раз, что приехал сюда, и не думает уезжать, — сообщал цесаревич жене 5 июня. — Я это заключаю из разговора дяди Низи с папá, в котором папá сказал дяде: А разве ты думаешь, что я уеду?! Что это значит, никто из нас объяснить не может... Никто ничего об этом не знает — ни А.В. Адлерберг, ни Милютин, ни дядя Низи, ни даже я!»⁵². «Решительно не понимаю, — недоумевал вел. кн. Александр Александрович после перехода армией Дуная, — что он будет делать здесь и зачем ему оставаться, и положение его неловкое здесь, потому что он не главнокомандующий и командование над армией не принял, а так ездить за войсками в тылу, по-моему, в высшей степени неприлично и странно»⁵³.

Вел. кн. Николай Николаевич, гр. Адлерберг, Милютин и сам цесаревич тщетно пытались убедить императора в «неуместности его стремления вперед, к войскам передовой линии» и желательности возвращения в Россию⁵⁴. В какой-то момент вел. кн. Александр Александрович стал даже подозревать военного министра в тайных честолюбивых замыслах. «Просто досадно видеть жизнь в Главной квартире папá: переходит с места на место, как цыганский табор, — жаловался он жене 4 августа, — пользы от нее никакой, никому она не нужна, путает и вмешивается во все, а Милютин уже начинает играть роль главнокомандующего или, по крайней мере, роль Мольтке в войну 1870–71 г. Для бедного дяди Низи, я думаю, это очень неприятно, и вместо того чтобы распоряжаться спокойно ходом всего дела, его суетят, требуют туда-сюда и предлагают свои планы или даже насильно навязывают их»⁵⁵. Упреки эти были не вполне справедливы. Милютин действительно критично относился как к самому вел. кн. Николаю Николаевичу, так и к его штабу, но отнюдь не считал, что будет лучше, если «начнут распоряжаться многие»⁵⁶.

Из Петербурга Победоносцев с конца июня призывал царя и наследника престола «вернуться в пределы России». Константин Петрович опасался, что в случае крупных поражений в Болгарии внутри России и особенно в Петербурге в отсутствие императора «может произойти взрыв», которым воспользуются «неблагонамеренные люди»⁵⁷. Впрочем, сильно преувеличенные и почти панические страхи Победоносцева не оказали заметного влияния на цесаревича. Вел. кн. Александр Александрович ни до, ни после этого письма не говорил о том, что Александру II необходимо покинуть войска для успокоения страны и устранения внутренней угрозы. Его больше тревожили сомнения в приличии пребывания монарха в армии «без дела» и переживания за жизнь и здоровье отца.

Между тем положение «брата милосердия» при армии разрушительно сказывалось на физическом и душевном состоянии императора. «Это несчастье, и большое несча-

стве, что папá сам был под Плевной, – писал цесаревич жене после третьего штурма, – потому что он, не видавши никогда в жизни ни одного сражения, попал прямо на эту ужасную бойню, и это произвело на него такое страшное впечатление, что он только об этом и рассказывает и плачет, как ребенок»⁵⁸. «После этого несчастного 30 августа под Плевной, – сообщал он чуть позже матери, – папá сделался страшно нервный и постоянно вспоминает и говорит об этом и часто не только у него слезы на глазах, но плачет. Когда он мне и Суворову раз после обеда читал твое письмо в ответ на его письмо после Плевны, он так плакал, что насилу дочел письмо и несколько раз останавливался»⁵⁹.

Неудачный третий штурм Плевны произвел полный переворот во взглядах вел. кн. Александра Александровича на ход кампании. Непросто установить, когда и как он изменил свое отношение к вел. кн. Николаю Николаевичу и его штабу. Очевидно, свою лепту в эту перемену внесло и окружение командующего Рушукским отрядом, включая вел. кн. Владимира Александровича. Уже 16 августа, еще критикуя Милютину и защищая главнокомандующего, цесаревич признавался: «Не думали мы тоже, что до такой степени турки еще сильны, и что войско их будет так хорошо драться, как оно дерется теперь, и в настоящую минуту они численностью превышают нашу армию»⁶⁰.

В письме, отправленном императору 10 сентября, положение характеризовалось значительно резче: «Мы не можем скрывать от себя, что военные действия с самого начала вступления нашей армии в Болгарию не идут так успешно, как мы ожидали и как мы желали бы, что бы они шли... Распоряжений почти никаких нет, общего плана кампании нет, или если существует, то нам он неизвестен. Вообще, что ни говори, а в Полевом штабе царствует полнейший хаос». Наследник престола осознавал, насколько подобные высказывания противоречат принципам субординации, однако оправдывался высшими соображениями: «Тебе, может быть, странным покажется, милый па, может быть и больше, что я так пишу и как будто жалуясь на главнокомандующего, хотя я и служу теперь под его начальством. Нет, я далек от того, чтобы жаловаться, это не жалоба, а искренняя, глубокая и, могу сказать смело, общая нас всех военных просьба. Милый душка па, здесь идет дело о чести России, о славе нашей дорогой Родины и, наконец, о славе твоего царствования. Так дело идти не может, в такой обстановке оно не может продолжаться и не должно. Ты *сам* теперь в нашей славной, дорогой армии, так *прими же начальство над ней!* Вот наша искренняя, задушевная просьба, и если бы кто-либо знал, что я пишу тебе об этом, то я уверен, что все, что есть военного в России, присоединилось к моей просьбе. Я не хочу никого обвинять, ни осуждать, оно не к чему и не время теперь; со временем все обнаружится и все узнается, а теперь только нужно стараться всеми силами скорее исправить дело и повести его иначе, чем до сих пор оно велось, а исправить можно, только если бы ты сам решился принять начальство над нами и взял бы самого же Милютину начальником штаба». «Оно даже не может быть обидно дяде Низи, – уверял отца цесаревич, – потому что оно слишком натурально. Теперь же приходит вся твоя славная гвардия и собрана большая часть всей нашей армии, так что, когда ты объявишь себя принимающим командование всей Действующей армии, это будет общая радость не только твоей молодецкой армии, но и всей России. Ведь император Вильгельм командовал всей армиею в последнюю войну». «Могу и *должен* тебе откровенно сказать, – заявлял вел. кн. Александр Александрович, – что главнокомандующий и его штаб *потеряли всякое доверие* между начальством». «Переговори об этом с Милютиным и А.В. Адлербергом, и они, я уверен, поддержат меня, – советовал он в заключение. – Оно немислимо, чтобы ты оставался так при армии, и прости мне, милый дорогой па, оно *неприлично*, теперь это *твой долг перед войском и перед Россиею!* Я был бы *не достоин* быть твоим сыном, твоим наследником, если бы не высказался бы откровенно и от души, а что ты на меня не сердишься, что ты мне простишь это письмо, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы сомневаться в противном»⁶¹.

За все 30 лет своей переписки с отцом цесаревич не писал, пожалуй, с такой энергией и не был столь настойчив, отстаивая свое мнение. «Я писал папá откровенно, потому что, конечно, перед ним мне скрывать нечего, – объяснял он 30 сентября свой по-

ступок матери. – Что же мне было делать! Я знал, что папá болен, но терять времени было нельзя, надо было непременно, что я бы предложил ему принять командование армией; конечно, он сам мог бы это сделать без меня, если бы захотел, но ты ведь знаешь, милая ма, до чего папá деликатен в отношении к другим, и я думал ему облегчить эту решимость... По-моему, конечно было бы самое лучшее, если бы папá решился вернуться в Россию. Нет другого исхода, или он должен принять командование армией, или вернуться в Россию; так оставлять невозможно»⁶².

Осенью 1877 г., по-видимому, наметилось и определенное изменение в отношении наследника престола к военному министру. В 1875 г. цесаревич писал о нем вел. кн. Михаилу Николаевичу: «Эта личность мне всегда была несимпатична, и время нисколько не изменило мой взгляд и образ мыслей о Милютине. Он положительно вредный человек для России!»⁶³. Теперь же вел. кн. Александр Александрович предлагал назначить его начальником Полевого штаба при главнокомандующем императоре, т.е. на ту самую «роль Мольтке», которой, как считали в Рушукском отряде, министр добивался летом 1877 г. Одновременно в письмах к жене цесаревич начал с той же страстностью осуждать вел. кн. Николая Николаевича и его окружение, с какой до этого его оправдывал, критикуя Главную квартиру: «Дядя Низи, к сожалению, все взваливает на других и все, по его словам, виноваты, кроме его самого и его штаба; даже и папá виноват, и Милютин – одним словом все, все... Я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы исправить это грустное и отчаянное положение, но не знаю, хватит ли у меня силы и ума!»⁶⁴.

Однако в Рушукском отряде плохо представляли себе настроения в Главной квартире. Получив 11 сентября письмо сына, Александр II, по словам Милютина, «был очень смущен и расстроен» и даже «читая это письмо, прослезился»⁶⁵. В тот же день для того, чтобы лично поддержать предложения брата, в Главную квартиру прибыл вел. кн. Владимир Александрович. Но и Милютин, и Адлерберг полагали, что императору не следует самому браться за исправление испорченного дела, а его сыновья «легко смотрят на вещи». То, что наследник считал «общей радостью всей России», военный министр признавал крайне нежелательным. «Насколько мне известен характер государя, я уверен, что он не может командовать армией, – констатировал он в дневнике. – Во всяком случае, я с своей стороны не взял бы на себя трудной обязанности начальника штаба при таком главнокомандующем»⁶⁶. 12 сентября Александр II отложил обсуждение данного вопроса до окончательного сбора гвардии, но затем уже к нему не возвращался⁶⁷. Снежив к отцу, цесаревич с огорчением сообщал матери, что не услышал ни слова о своем письме и затронутых в нем предметах: «Так что я не знаю теперь, был ли он недоволен моим письмом или просто не желал говорить со мною об этом». Со своей стороны великий князь «не считал себя вправе спрашивать что-либо об этом, так как папá сам не начинал»⁶⁸.

Тем не менее вел. кн. Александр Александрович продолжал думать о замене главнокомандующего: «Но в случае возвращения папá в Россию, мне кажется, необходимо было бы назначить другого главнокомандующего, – излагал он свои соображения императрице 30 сентября, – и выбора здесь другого и быть не может: конечно, самое лучшее было бы назначить фельдмаршала Барятинского, и он, я совершенно уверен, принял бы это назначение с радостью, и никакая болезнь не помешала бы ему командовать. Об этом я еще не говорил с папá и это моя мысль, которую, впрочем, не разделяют прочие, знающие хорошо князя Барятинского»⁶⁹. Пока же наследнику престола оставалось уповать на то, что присутствие императора в армии предотвратит рискованные решения вел. кн. Николая Николаевича и его штаба. «Теперь, кажется, пойдет дело лучше, – писал он цесаревне, – потому что им больше не позволяют фантазировать, а всякое общее движение или намерение обсуждается в присутствии папá и Милютина, так что контроль теперь строгий»⁷⁰. От летнего беспокойства за самостоятельность главнокомандующего не осталось и следа.

Сразу же после третьего штурма Плевны цесаревич собирался начать наступление против турок объединенными силами Рушукского отряда и прибывавшей на Дунай

гвардии. «Если я не гожусь или ты не имеешь достаточно доверия ко мне, назначь кого угодно, я *не обижусь, не до того теперь*, – писал он по этому поводу отцу, – но я одно скажу: мне кажется, что Господь Сам внушил мне *это*, и одно уж *это* меня поддерживает, и я глубоко уверен в успехе»⁷¹. В данном намерении явно преобладали эмоции, соединившиеся с немалой долей честолюбия. Соответствующий план был проработан начальником штаба Рушукского отряда генералом П.С. Ванновским, полагавшим, что Плевне уделяется слишком большое внимание⁷². 16 сентября на совещании у Александра II Ванновский, по словам военного министра, «высказал свои соображения, весьма шаткие и неубедительные, а сам наследник почти ничего не прибавил в подтверждение своего плана». В результате, император одобрил поддержанные Милютиным предложения Полевого штаба главнокомандующего⁷³.

С Ванновским у вел. кн. Александра Александровича сложились очень хорошие отношения. В письмах матери великий князь не скупился на похвалы «моему начальнику штаба генералу Ванновскому и всем моим подчиненным, которые свято и добросовестно исполняют свои обязанности». «Истинно могу сказать, – утверждал он, – что не будь этого, все бы пошло Бог знает как. Я привожу в пример мой отряд, чтобы показать, что если хочешь, то все возможно, и порядок будет, но не приписываю себе никакой заслуги в этом деле, потому что иначе его не понимаю, а генерал Ванновский – личность из ряду, выдающаяся и способная, и только благодаря его уму и энергии все идет хорошо, насколько оно возможно здесь, при общем сумбуре и отсутствии распоряжений высшего начальства!»⁷⁴ Милютин, побывав в ставке цесаревича, также признал, что Ванновский «выказал много умения, благоразумия и такта в трудном положении, в которое он был поставлен»: «Оставаясь пять месяцев в оборонительном положении и занимая растянутую линию против значительно превосходного в силах противника, Рушукский отряд, благодаря распорядительности Ванновского, выполнил свою задачу, ни разу не потерпев поражения»⁷⁵. Неудивительно, что именно Ванновский занял в 1881 г. пост военного министра. Беседуя с уходящим в отставку графом Милютиным, Александр III признал, что руководствовался при этом назначении опытом 1877 г.⁷⁶

Вел. кн. Александру Александровичу совершенно не хотелось жертвовать репутацией, связывая свое имя с действиями полевого штаба вел. кн. Николая Николаевича. Поэтому он не желал покидать Рушукский отряд даже ради возможности возглавить «родную» для него гвардию. «Вдруг бросить все это и попасть в омут грязи, интриги, глупости и беспорядков, нет, это до того противно и как кошмар преследует меня! – делился он своими опасениями с женой 10 октября. – Одно имя “Плевна” мне до того противно, что я слышать больше не могу про нее, и не хотел бы, чтобы мое имя было замарано из-за глупостей главнокомандующего»⁷⁷. Вел. кн. Владимиру Александровичу цесаревич 24 ноября откровенно признался, что «если эта кампания будет столь же безалаберно вестись и впредь, и папá после Плевны возвратится в Россию, я решительно хочу проситься вон отсюда». «Не думаю, – писал наследник престола, – что мне грешно думать о своей репутации, она мне, может быть, более чем кому-либо нужна, и потерять ее из-за бездарности и глупости главнокомандующего мне бы не хотелось». Однако, прибавлял он, «если я увижу, что мое присутствие здесь, в армии, нужно, конечно, я, не задумываясь, пожертвую своей репутацией и даже больше, если Господь того пожелает!»⁷⁸. Вел. кн. Владимир Александрович в ответ на следующий же день напомнил ему о разговоре, состоявшемся, судя по упоминанию Дольного Монастыря, вскоре после третьего штурма Плевны: «Я говорил тебе тогда, что все это так продолжаться не может: многим, и мне в том числе, твоё положение, в том виде, как оно сложилось, представлялось совершенно фальшивым, не совместным с твоим званием наследника престола. То же самое, да и многое другое, говорил я папá, но мой голос обратился в голос вопиющего в пустыне. Меня или не могли, или же просто не хотели понять. Петля уже тогда была затянута так крепко, что развязать ее не представлялось никакой возможности». Тем не менее он решительно не соглашался с мыслью брата покинуть армию до конца войны и советовал повидаться с отцом: «Твое слово, твой голос *должен* быть услышан. Скажу более. Ты имеешь полное право *требовать*, что

когда ты говоришь, тебя бы слушали, да и слушали бы со вниманием... Ты *не властен* позволять другим забывать, кто ты такой. Ты *обязан* при теперешних обстоятельствах заявить во всеуслышание твои права и преимущества». Великий князь не сомневался, что император выслушает сына «с благодарностью»: «С ним так редко люди бывают откровенны, так редко приходится ему слышать правду. Наследника своего он не может не понять; не может не желать ему добра»⁷⁹.

В конце декабря 1877 г., когда после падения Плевны Александр II отбыл в Петербург, цесаревич, беспокоившийся, «как теперь поведут они дело без папá и Милютина»⁸⁰, вступил в прямой конфликт с вел. кн. Николаем Николаевичем и его окружением из-за «обручевского вопроса»⁸¹. По согласованию с императором, главнокомандующий собирался передать под командование вел. кн. Александра Александровича не только гвардию, но и все войска Западного отряда, который после взятия Плевны в конце ноября начал в тяжелейших зимних условиях переход через Балканы⁸². Предполагалось, что начальником штаба наследника престола в этом случае станет действующий командир Западного отряда генерал И.В. Гурко. Но цесаревичу был нужен человек, не только способный руководить крупными операциями, но и достаточно независимый от Полевого штаба. «На долю Вашего Высочества выпадет задача нелегкая, требующая в исполнителях большой энергии, много осторожности, военных способностей, – писал ему 9 декабря из Вены лечившийся там после ранения гр. Воронцов-Дашков. – Вам необходим помощник, то есть начальник штаба, на ряд выходящий, в котором все эти качества были бы соединены. Я знаю только одного человека в России, который бы отвечал этим требованиям, насколько можно судить по его характеру, прошлым занятиям и по тем несомненным услугам, которые он оказал теперь в Малой Азии, – это генерал Обручев. Не мое это личное и единичное мнение, я думаю, не ошибусь, ежели скажу, что это мнение всей нашей военной интеллигенции, начиная с военного министра»⁸³. Таким образом, Воронцов прямо указал на Обручева, ближайшего сотрудника Милютина. Отвечая Иллариону Ивановичу 21 декабря, вел. кн. Александр Александрович отмечал, что Обручев «человек умный, энергичный и самостоятельный, а это весьма важно – иметь подобного человека при себе». «Как человека я его не особенно уважаю, – признавался великий князь, – но для пользы дела возьму его с большой охотой и надеюсь, что он оправдает наше доверие»⁸⁴. В тот же день в обход дяди цесаревич телеграфировал императору, а 3 дня спустя Александр II сообщил, что «на назначение Обручева вполне согласен»⁸⁵.

Тем временем «обручевский вопрос», как вспоминал М.А. Газенкампф, «чрезвычайно взволновал и расстроил» главнокомандующего, который «весь день и вечер беспрестанно возвращался к этому вопросу и высказывал свои догадки». Ему представлялось, что все это не что иное как «двойная интрига: с одной стороны, в Петербурге, где военный министр усиленно проводит своего любимца Обручева и расположил в его пользу государя, которого уже успели вооружить против Гурко из зависти приближенные к Его Величеству чины его Главной квартиры; с другой стороны, в штабе цесаревича, где Гурко терпеть не могут, завидуют его военной славе и рады случаю его унижить и оскорбить. Цесаревич Обручева совсем не знает, и если с такою готовностью согласился иметь его своим начальником штаба, то только потому, что ему внушено сильнейшее предубеждение против Гурко»⁸⁶. У цесаревича, тесно связанного с гвардией, роптавшей против сурового командира, действительно имелось предубеждение против Гурко. «Где только Гурко ни командует, – жаловался он Воронцову, – везде или страшные потери от неприятеля, или от тяжелых походов. Ужасно легко смотрит Гурко на все эти вещи и не жалеет ни солдат, ни кавалерию»⁸⁷. Со своей стороны, вел. кн. Николай Николаевич совершенно безосновательно обвинил Обручева в «либерализме» и недостойном поведении во время подавления польского мятежа 1863 г.⁸⁸

Узнав, что главнокомандующий не согласен на назначение Обручева, цесаревич немедленно телеграфировал в Петербург, отказываясь при таких обстоятельствах «принять начальство»: «Это против моей совести. Я никакого доверия не имею к распоряжениям главнокомандующего и его штаба. Я проучен горьким опытом и рисковать

своей репутацией вторично не желаю и не могу. Моя участь в твоих руках»⁸⁹. В Петербурге просьба наследника одобрялась всеми и в первую очередь, конечно, военным министром. 27 декабря император даже сказал императрице, что вызовет наследника и вместе с ним поедет вновь в армию⁹⁰. Но поскольку обстановка на Балканах менялась очень быстро и война могла вскоре завершиться, или, наоборот, приобрести новый размах, 2 января великим князьям Александру и Владимиру Александровичам приказали оставаться на своих местах⁹¹. Обручеву были оказаны новые знаки монаршего благоволения. 9(21) января император написал сыну: «Принимать тебе командование над Западным отрядом, тогда когда честь всего успеха принадлежит неоспоримо Гурке, было бы неуместно и тебе самому, наверное, тяжело»⁹².

По-видимому, вел. кн. Александр Александрович счел себя обманутым. Из его писем видно, насколько ему хотелось сыграть заметную роль в окончательном разгроме турок: «Я знал, что получу отказ от главнокомандующего, потому что он не допускает при себе никакой самостоятельной личности, а мне именно такой и нужен был, – писал цесаревич матери. – Я в одном ошибся: я думал, что папá более энергично поддержит меня в моей просьбе, но вышло так, что мне не удалось в моем желании, и я остался снова в самом странном и неловком положении!.. Я не мог себе представить, что папá пожертвует репутацией *своего сына, своего наследника* из-за каприза главнокомандующего!»⁹³. «Нас великолепно водили все время за нос, надули самым наглým образом, держали попусту здесь более месяца, все в надежде, что вернемся к нашим частям, к гвардии... Грустно, что папá так нерешителен, тогда было бы иначе», – жаловался он вел. кн. Владимиру Александровичу⁹⁴. В письмах же к цесаревне прорывались неудовлетворенное честолюбие и обида: «Все время мое положение было ненормальное, самое незавидное, каким-то чернорабочим, а прочим предоставили уже пожинать лавры за Балканами, и именно тем, которые всего менее заслуживали это, как, например, Скобелев, Струков и Гурко!». Успехами за Балканами, считал цесаревич, Россия обязана не им и главнокомандующему, «а молодецким, геройским и чудным нравственным духом русским войскам и частным начальникам»⁹⁵.

Гр. Воронцов-Дашков и Победоносцев, лишь понаслышке знавшие о произошедшем столкновении и переживаниях цесаревича, независимо друг от друга старались его успокоить и ободрить. «Ложное положение, которое Вам устроили, должно смущать Вас и расстраивать, – писал Победоносцев. – На душе у Вас, верно, бывает горько, и это чувство, не выходя наружу, может сосредотачиваться внутри запасом горечи, досады, недоверия. Ради Бога, не давайте этому запасу накапливаться. Не забывайте ни на минуту, что уже вся Россия теперь понимает и ценит по достоинству положение, в которое Вы поставлены; в этой мысли, может быть, найдете довольно силы для того, чтобы бороться с тягостью, которая лежит на Вас»⁹⁶. «Нашлись бы люди и даже многие, которые бы воспользовались назначением Вашего Высочества на место Гурко начальником Западного отряда, чтобы кричать о несправедливости и говорить, что цесаревич пожелает пожинать плоды чужих трудов, – отмечал Воронцов. Теперь и этот укор не имеет места, и Ваше Высочество стоит в общественном мнении высоко и неуязвимо, как человек, до конца и во всем исполнивший свой долг. Это лучше и кроме всех лавр, растущих за Балканами»⁹⁷.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала значительным событием в жизни вел. кн. Александра Александровича. Долгие месяцы, проведенные на театре боевых действий, вдвигая от дома и семьи, воочию увиденные тяготы войны не могли не оказать на него влияния и дали ему богатый материал для размышлений и переоценки взглядов, позволили проявить себя в сложных ситуациях. Война изменила его отношения с рядом видных военных деятелей, привела к разладу с вел. кн. Николаем Николаевичем, но сблизила с Милютиным и Обручевым. Позднее Александр III скажет Милютину, реформы которого он бранил в 1860–1870-х гг.: «Все отдают справедливость тому, что сделано в эти 20 лет. Армия наша и администрация совсем уже не те, какие были 20 лет назад. Последняя война вполне это выказала... Все же, что зависело от Военного министерства, оказалось вполне удовлетворительным»⁹⁸.

Война выявила не только способность цесаревича наладить работу с подчиненными (в том числе более опытными, чем он сам), умение ценить самостоятельность и компетентность своих, порою даже лично несимпатичных сотрудников, но и такие яркие, хотя и неоднозначные, его качества, как честолюбие, неосмотрительность, чрезмерная эмоциональность и категоричность, склонность к поспешным, плохо продуманным решениям и инициативам. Подводя 25 января 1878 г. итог своему пребыванию на Балканах, вел. кн. Александр Александрович писал матери: «Но и за это я благодарен Господу: школу мы прошли с Владимиром серьезную, тяжелую, трудную, которая нам очень и очень пригодится в жизни, и, слава Богу, прошли благополучно. Оправдали доверие к нам *напá* и *России*, чего же нам больше, а мне в особенности: я исключительно служу и буду служить *напá* и *Родине*, которым я принадлежу всецело и которым я готов пожертвовать всем!»⁹⁹.

Примечания

¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 201; Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 10–11; *Твардовская В.А.* Александр III // Российские самодержцы. М., 1993. С. 223–225; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 178; *Чернуха В.Г.* Александр III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 16–18; *Мамонов А.В.* Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 60–77; *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. С. 258–265.

² См., например: *Боханов А.Н.* Император Александр III. М., 2006. С. 191–209; *Барковец О.Н., Крылов-Толстикович А.Н.* Александр III – Царь-Миротворец. СПб., 2007. С. 94–117; *Дронов И.Е.* Сильный, державный: жизнь и царствование Александра III. М., 2006. С. 210–247; *Толмачев Е.П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 138–154.

³ *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 150; История внешней политики России. С. 176–177.

⁴ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 154.

⁵ *Кузнецов О.И.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 88–89; *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 235.

⁶ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925. С. 40; К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 2. Минск, 2003. С. 567.

⁷ *Мамонов А.В.* Указ. соч. С. 69–71.

⁸ Подробнее см.: *Дронов И.Е.* Кругом князя В.П. Мещерского 1865–1871 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2001. № 3. С. 71–87; *Манфред А.З.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967. С. 37–38; *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977. С. 155–171.

⁹ Письма Победоносцева. С. 45–46.

¹⁰ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 157. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 152–153; Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. М., 1986. С. 259–260.

¹¹ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 732, л. 53 об., 60 об.

¹² Там же, ф. 677, оп. 1, д. 307, с. 117.

¹³ Там же, с. 119.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 126.

¹⁵ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 307, с. 119.

¹⁶ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 12–12 об. (подлинник на французском языке).

¹⁷ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. С. 129.

¹⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 75.

¹⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 201, 212; *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 235–236.

²⁰ ГА РФ, ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 43 об., 44 об.

²¹ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 16 об. (подлинник на французском языке), 22.

²² Победоносцев и его корреспонденты. С. 569.

²³ Там же. С. 569.

²⁴ Письма Победоносцева. С. 48–50.

- ²⁵ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 39 об.–40.
- ²⁶ Там же, л. 20–20 об.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 302, с. 259–260; ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 38–43, 58 об.–59; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 – начало 1873. М., 2006. С. 130–134, 154–164; *он же.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 158–166, 297–301. Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 169–170, 174; *Дронов И.Е.* Кружок князя В.П. Мещерского. С. 76–77, 82–87.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 16 об.–17 (подлинник на французском языке).
- ²⁹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 307, с. 226.
- ³⁰ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 27.
- ³¹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 737, л. 56.
- ³² Там же, л. 56 об.–57.
- ³³ *Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн: Биографический очерк (с приложениями из посмертных записок М.Х. Рейтерна). СПб., 1910. С. 158–159, 160–161, 166.
- ³⁴ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 25 об.–26 об.
- ³⁵ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 74.
- ³⁶ Победоносцев и его корреспонденты. С. 569.
- ³⁷ *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 145, 149; *Захарова Л.Г., Мамонов А.В.* Предисловие // *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. С. 11–12.
- ³⁸ *Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* Указ. соч. С. 185–186.
- ³⁹ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. II. 1887–1892. М., 2005. С. 199.
- ⁴⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 75 об.; Победоносцев и его корреспонденты. С. 568–569.
- ⁴¹ Победоносцев и его корреспонденты. С. 570.
- ⁴² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 307, с. 122. Текст этой речи, написанный рукой Александра II и датированный 29 октября, сохранился среди писем императора к цесаревичу: ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 669, л. 159–160. Впоследствии он был опубликован: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 687–688.
- ⁴³ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 80.
- ⁴⁴ Там же, л. 82.
- ⁴⁵ Победоносцев и его корреспонденты. С. 570–571.
- ⁴⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 412; *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. С. 205. Подробнее см.: *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 232–235.
- ⁴⁷ *Дронов И.Е.* Кружок князя В.П. Мещерского. С. 79–80.
- ⁴⁸ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 84–84 об.
- ⁴⁹ «Буду свято исполнять свой долг»: переписка наследника цесаревича Александра Александровича с великим князем Николаем Николаевичем // *Источник.* 1993. № 1. С. 40–41.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 705, л. 71.
- ⁵¹ Там же, ф. 646, оп. 1, д. 128, л. 19.
- ⁵² Там же, ф. 642, д. 706, л. 11 об.
- ⁵³ Там же, л. 40–40 об.
- ⁵⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. С. 267; «Буду свято исполнять...». С. 41–42.
- ⁵⁵ Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Федоровны // *Вопросы истории.* 2000. № 4–5. С. 120.
- ⁵⁶ *Милютин Д.А.* Дневник 1876–1878. С. 267; 286.
- ⁵⁷ Письма Победоносцева. С. 68.
- ⁵⁸ Из переписки Александра Александровича. С. 123.
- ⁵⁹ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 250.
- ⁶⁰ Из переписки Александра Александровича. С. 122.
- ⁶¹ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 732, л. 79–80 об., 81 об.–83 об.
- ⁶² Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 251–251 об.
- ⁶³ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2743а, л. 58 об.
- ⁶⁴ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 109 об., 110–110 об.
- ⁶⁵ *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. С. 302–303.
- ⁶⁶ Там же. С. 303.
- ⁶⁷ Там же. С. 305.
- ⁶⁸ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 251 об.
- ⁶⁹ Там же.

- ⁷⁰ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 125.
- ⁷¹ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 732, л. 85–85 об.
- ⁷² Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 252 об., 253–253 об.
- ⁷³ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 307–308.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 263–263 об.
- ⁷⁵ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 348–349.
- ⁷⁶ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. М, 2010. С. 333.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 139 об.
- ⁷⁸ Там же, ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 64–64 об., 65 об.
- ⁷⁹ Там же, ф. 677, оп. 1, д. 737, л. 78 об.–79 об.
- ⁸⁰ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 220 об.
- ⁸¹ Газенкамф М.А. Мой дневник. 1877–78 гг. СПб., 1908. С. 282.
- ⁸² ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 706, л. 225 об., 226; ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 66–67.
- ⁸³ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 209.
- ⁸⁴ Там же. С. 250.
- ⁸⁵ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 81.
- ⁸⁶ Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 281–282.
- ⁸⁷ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 251–252.
- ⁸⁸ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 187, 189–190.
- ⁸⁹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 81 об.
- ⁹⁰ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. С. 353.
- ⁹¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 641, л. 85.
- ⁹² Там же, д. 669, л. 178.
- ⁹³ Там же, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 266–266 об.
- ⁹⁴ Там же, ф. 652, оп. 1, д. 378, л. 79 об., 80 об.
- ⁹⁵ Из переписки Александра Александровича. С. 133–134.
- ⁹⁶ Письма Победоносцева. С. 112, 113.
- ⁹⁷ Переписка И.И. Воронцова-Дашкова. С. 212.
- ⁹⁸ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. С. 334.
- ⁹⁹ ГА РФ, ф. 641, оп. 1, д. 115, л. 267.

© 2011 г. Н. Ф. БУГАЙ*

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: 1950–1990-е годы

Преобразования в социальной сфере российского многонационального объединения в 1990-х гг. – начале XXI в. сделали актуальной еще одну проблему жизни советского общества – реабилитацию этнических общностей, подвергшихся ранее деструктивным воздействиям со стороны органов государственной власти. В очередную «кампанию» были вовлечены фактически все этнические общности, которым пришлось в 1930–1950-х гг. перенести лишения принудительных переселений. Они в большей

* Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности. Становление гражданского общества в России». В основу статьи положены материалы состоявшегося в Нальчике (Кабардино-Балкарская АССР) в августе 1960 г. совещания заместителей председателей Советов Министров, крайисполкомов, облисполкомов республик, краев и областей Северного Кавказа, руководителей министерств РСФСР, на котором рассматривались вопросы о ходе реабилитации народов.